

УДК 821.161.1-1(Мандельштам О.). DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-17-28
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,445.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

ВНУТРЕННЕЕ СЛОВО КАК ФОРМООБРАЗУЮЩИЙ ПРИНЦИП ПОЭТИКИ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Кихней Л. Г.

Московский университет имени А. С. Грибоедова (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0342-7125>
SPIN-код: 3393-0651

Темиршина О. Р.

Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0127-6044>
SPIN-код: 5221-7391

А н н о т а ц и я . Работа посвящена исследованию семантической организации лирики Мандельштама в проекции на психологические закономерности порождения речи. Концептуальной предпосылкой работы стала идея о том, что внимание О. Мандельштама к поэтическому текстогенезу приводит к появлению в его стихотворениях «следов» внутреннеречевого программирования, которые проявляются на прагматическом, синтаксическом, семантическом уровнях, системно соотносясь друг с другом.

Так, в прагматической сфере О. Мандельштам конструирует образ идеального читателя, который становится психологическим alter ego поэта. Установка на поиск первооснов творчества приводит к особым семантическим стратегиям работы с текстом: лирика О. Мандельштама демонстрирует тяготение к смысловой агглютинации, поэтическим ошибкам, нарушениям в лексико-грамматическом расщеплении, доминированию семантики над синтаксисом. В статье выявлено, что в основе этих семантических стратегий лежат способы развертки внутренней речи во внешний план, обуславливающие ее специфические структурно-семантические черты. Структурные особенности внутренней речи используются О. Мандельштамом для решения собственно эстетических задач. В этом смысле внутренняя речь оказывается «поэтическим» субстратом некоторых лирических текстов поэта, в которых можно наблюдать парадигматическое и синтагматическое (контекстуальное) развертывание образных комплексов, восходящих к мифологическим «матрицам». Причем у Мандельштама одна и та же внутреннеречевая ситуация генерирует появление нескольких звукосемантических прототипов, что приводит к образованию ряда образных парадигм, ассоциативно связанных между собой. Внутреннее слово становится принципом, порождающим инвариантные, разыгрываемые на мифологическом, культурно-историческом и психологическом уровнях ту или иную тему стихотворения.

Таким образом, в исследовании доказано, что поэтика внутренней речи, будучи тематически связанной с сюжетом поиска слова, в ряде стихотворений проявляется и на уровне структурно-семантическом, обуславливая особую смысловую архитектуру отдельных стихотворений. В этом ракурсе внутреннее слово для Мандельштама является не только метапоэтическим конструктом, сопряженным с «внутренним образом стиха», но и формообразующим принципом поэтической семантики.

К л ю ч е в ы е с л о в а : русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; поэтические жанры; стихотворения; поэтические тексты; внутренняя речь; внутреннее слово; поэтическая семантика; психопоэтика; О. Мандельштам

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кихней, Л. Г. Внутреннее слово как формообразующий принцип поэтики О. Мандельштама / Л. Г. Кихней, О. Р. Темиршина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 3. – С. 17–28. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-17-28.

INNER SPEECH AS A FORM-CREATING PRINCIPLE OF O. MANDELSTAM'S POETICS

Lyubov G. Kikhney

Moscow University named after A. S. Griboyedov (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0342-7125>

Olesya R. Temirshina

Russian State Social University (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0127-6044>

Abstract. The paper studies the semantic organization of Mandelstam's lyrics in projection onto the psychological patterns of speech production. The conceptual premise of the work focuses on the idea that Mandelstam's attention to poetic text genesis leads to the emergence in his poems of "traces" of inner speech programming, which manifest themselves at the pragmatic, syntactic, and semantic levels, systemically correlated with each other.

Thus, in the pragmatic sphere, Mandelstam constructs the image of an ideal reader, who becomes the poet's psychological alter ego. The focus on searching for the fundamental principles of creativity leads to the use of special semantic strategies for working with the text: Mandelstam's lyrics demonstrate a tendency toward semantic agglutination, poetic errors, violations of lexicogrammatical grouping, and the dominance of semantics over syntax. The article reveals that these semantic strategies are based on the methods of unfolding and transition of inner speech into the external plane, which determine its specific structural-semantic features. Mandelstam uses the structural peculiarities of inner speech to solve purely aesthetic problems. In this sense, inner

speech becomes the “poetic” substrate of some of the poet’s lyrical texts, where one can observe the paradigmatic and syntagmatic (contextual) development of figurative complexes that are based on mythological “matrices.” In Mandelstam’s work, the same inner speech situation generates multiple sound-semantic prototypes, leading to the formation of a series of figurative paradigms associated with each other. Inner speech becomes a principle that generates invariant poems dealing with a particular theme on the mythological, cultural, historical, and psychological levels.

Thus, the study argues that the poetics of inner speech, being thematically related to the plot of the search for a word, in a number of poems also manifests itself at the structural-semantic level, determining the special semantic architectonics of individual poems. In this perspective, for Mandelstam, inner speech is not only a metapoetic construct associated with the “inner image of the poem”, but also a form-creating principle of poetic semantics.

Key words: Russian poetry; Russian poets; poetic creative activity; poetic genres; poems; poetic texts; inner speech; inner word; poetic semantics; psychopoetics; O. Mandelstam

For citation: Kikhney, L. G., Temirshina, O. R. (2025). Inner Speech as a Form-Creating Principle of O. Mandelstam’s Poetics. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 3, pp. 17–28. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-3-17-28.

Введение

Б. Успенский, характеризуя поэтику Осипа Мандельштама, писал, что для него «творческий процесс – это возвращение к первоосновам языка, а в конечном счете и к первоосновам бытия» [Успенский 1994: 264]. Эта исследовательская мысль требует предметной развертки. В нашей предыдущей работе было показано, что осмысление *генезиса поэтического текста в метапоэтике Мандельштама* (эксплицированной в «Разговоре о Данте») имеет свое онтологическое обоснование в идее внутренней речи [Кихней, Темиришина 2023]. Однако мы считаем, что природа первичного поэтического порыва для Мандельштама – не только объект метапоэтической рефлексии, но и формообразующий принцип поэтики.

Так, согласно нашей гипотезе внутреннеречевой код работает на разных уровнях поэтического текста, иницируя как некоторые особенности тематики, так и специфические черты семантической архитектоники. Отсюда и цель статьи – определить специфику развертывания семантического плана текстов О. Мандельштама в проекции на психологические закономерности порождения речи.

Историко-биографической предпосылкой этой концепции стала идея о том, что напряженное внимание О. Мандельштама к начальному этапу творческого процесса закономерно приводит к тому, что поэт начинает интуитивно использовать в своих текстах ресурсы внутренней речи с ее особыми структурно-функциональными характеристиками. Поэтика внутреннего слова отвечает природе поэтического текста О. Мандельштама – иррациональному по своей сути. В «естественной иррациональной поэзии» (выражение О. Мандельштама) «действовало подсознание, осмысление наступало позже» [Гаспаров 2001: 5]. Организация этих подсознательных процессов, спроецированная на область семантики, и стала предметом настоящей статьи.

Процесс «оплотнения» смыслов в слова в поэзии О. Мандельштама представлен на сюжетно-тематическом и композиционно-архитектоническом уровнях. Этим фактом обусловлен и ракурс исследования: мы обращаемся к *сюжету поиска слова* (где этот процесс раскрывается в системе предикатов) и к анализу самой *семантической структуры текстов* (где застывает глубинная архитектоника этого процесса). Соответственно, объектом работы явля-

ются преимущественно стихотворения 1920-х гг., в которых эти планы наиболее ярко выражены.

Методология исследования связывается с положениями отечественной психолингвистики. В современной психолингвистике внутренняя речь понимается как комплексное явление, которое захватывает территорию от авербальных зон (здесь внутренняя речь понимается как образ, перцептивное обобщение, схема предмета, см.: [Горелов 2014; Жинкин 1998]) до развернутого монолога (в этом случае внутренняя речь интерпретируется как *речь в собственном смысле*, характеризующаяся особым лексико-грамматическим строем [Выготский 1982]).

Для нашей работы важен подход, связанный с лингвистикой. Соответственно, методологическим ориентиром статьи стали исследования Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, Е. С. Кубряковой и др. В этой традиции внутренняя речь трактуется как первичный сгусток личностных смыслов, который развертывается во внешнем плане по определенным лингвистическим принципам (см. об этом: [Ахутина 2014: 25]). Также в этих работах доказывается важное для нашего исследования положение о том, что в продукте речевой деятельности можно обнаружить следы процесса его порождения: «каждое звено <порождения речи – Л. К., О. Т.> характеризуется собственными свойствами и механизмами, а существование его может быть доказано тем, что в семантику предложения благодаря его действию включаются особые компоненты значения» [Кубрякова 1991: 46]. Таким образом, поэтический текст в снятом виде может хранить в себе историю своего создания – это положение является особенно важным для поэзии, ориентированной на запечатление творческого порыва в материи языка.

Следует отметить, что мы ни в коем случае не редуцируем поэтический процесс к психофизиологическим основам. В работе будет показано, что внутренняя речь, будучи естественным субстратом некоторых поэтических текстов О. Мандельштама, пройдя сквозь горнило поэтической техники, претерпевает трансформации и обнаруживает свой эстетический потенциал (см. об этом [Ковтунова 1986]). Такую поэтическую, изображенную внутреннюю речь мы можем назвать «вторичной» – по аналогии с термином «вторичный дейксис», введенным Ю. Д. Апресяном (о вторичной внутренней

речи как о модели поэтического высказывания см.: [Темиршина 2024: 248–312]).

Личностные смыслы – «блаженное слово»

Ключевым признаком внутреннего слова оказывается его промежуточное положение между «физической» речью (термин Л. С. Выготского) и территорией смутных внутренних смыслов, пока еще не развернутых во внешний речевой план. Противопоставление «значение vs смысл» здесь играет поистине определяющую роль: значение в этой оппозиции закреплено в узусе, смысл же, являясь сугубо внутренней прагматической категорией, оказывается личностным и субъектно-относительным. Такие смыслы ясны самому речевому субъекту, но совершенно не понятны внешнему адресату. «Во внутренней речи, – пишет Л. С. Выготский, – <...> преобладание смысла над значением <...> доведено до своего математического предела и представлено в абсолютной форме» [Выготский 1982: 348]. Внутреннее слово всегда является условным знаком ситуации «для себя», «сгустком личностных смыслов» [Кубрякова 1991: 64].

Таким образом, внутренняя речь – это речь не дискурсивная, она выражает аморфную индивидуализированную семантику, по этой причине для внешнего адресата внутреннее слово оказывается темным и часто алогичным. Именно такое слово тематизируется в поэзии О. Мандельштама 1920-х гг.: в стихотворениях «В Петербурге мы сойдемся снова...», «Ласточка», «Я слово позабыл, что я хотел сказать...», диптихе «Соломинка».

В этих текстах слово оказывается знаком иррационального – теряя свою «плотность», оно как будто становится образным воплощением идеи внутренней, чисто смысловой речи, запутанной, темной и алогичной. Именно поэтому во всех указанных текстах слово оказывается единицей с размытым содержанием. Эта смысловая размытость транслируется через наделение такого слова предикатами *бессмысленный*, *блаженный* и образно выражается через связь этого слова с семантикой темноты.

Так, стихотворении «В Петербурге мы сойдемся снова...» за «блаженное бессмысленное слово» поэт молится в «ночи советской»¹, в финале этого текста появляется образ «ночного солнца» (1, 133). В диптихе «Соломинка» «блаженные слова» также сопрягаются с «ночным» контекстом («Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...», (1, 110)). В стихотворении «Ласточка» появляется образ *ночной песни*, которая поется в «беспамятстве» (1, 130).

Связь блаженного слова с мотивом ночи / темноты в указанных стихотворениях, на наш взгляд, может объясняться метафорическими коннотациями прилагательного *темный*: *темный* в переносном значении может трактоваться как не-

понятный, неясный. Таким образом, блаженное слово – это слово непонятное, его бессмысленность образно доказывается сопряжением этого слова с ночной семантикой. В таком смысловом измерении ночная песнь – это не просто песня, которая поется ночью, эта песня темная (ср. в позднем «Твои речи темные глотая» (1, 210)).

Таким образом, семантика темноты в анализируемых текстах как будто иррадирует от слова к пейзажу: реализуясь как в метафорическом регистре (образ ночной песни), так и в прямом (образы ночного пространства), она формирует одну из ассоциативных сетей стихотворений. Возникает ощущение, что метафорическое значение темной речи как будто «поддерживается» ночными образами, в результате чего появляется осцилляция между буквальными и метафорическими смыслами.

Сюжет оплотнения внутреннего слова

Однако для вывода о том, что смысловым прототипом блаженной поэтической речи является внутреннее слово, констатации ее темноты и иррациональности явно недостаточно (в конце концов, поэтические темноты не обязательно предполагают связь с внутренним прообразом). Более сильным аргументом является включенность такого блаженного слова в особый метапоэтический сюжет, который образно развертывает идею воплощения смысловой стихии в вербальный ряд.

Внутреннее слово парадоксальным образом является *речью до речи*. Ближайшим аналогом такого доречевого слова в поэтической практике О. Мандельштама становится «внутренний образ стиха» (понятие, введенное О. Мандельштамом в «Разговоре о Данте»). «Внутренний образ стиха», как и внутреннее слово, требует своей развертки и воплощения в фазический план речи. Именно поэтому «блаженное бессмысленное слово» О. Мандельштама находится в глубине подсознания, пребывая там в расплавленно-неоформленном виде. В таком контексте сам процесс творчества может пониматься как извлечение и воплощение этого доречевого слова – именно этот сюжет воспоминания / поиска слова разыгрывается в знаменитом стихотворении «Ласточка».

Ненайденное слово, по О. Мандельштаму, обитает в Аиде, который с учетом указанных проекций можно считать метафорической номинацией глубины памяти. Семантические характеристики такого слова связаны с мотивами подвижности и отсутствия формы. «Искомое» слово все время трансформируется, пульсирует, теряет свои устойчивые очертания: оно растет, как шатер, может «прокинуться» Антигоной, броситься к ногам, превратиться в ласточку (1, 131).

Такие трансформации слова могут пониматься как пространственные метафоры динамичного незафиксированного смысла, стоящего у истоков поэтической речи. И действительно – доречевые смыслы текучи и крайне подвижны, они «как бы влияют друг на друга, так что предшествующие как бы содержатся в последующем или его модифицируют» [Выготский 1982: 349].

¹ Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 132–133. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи в круглых скобках с указанием тома и страницы.

В таком измерении шатер, ласточка, ветвь, подружка, Антигона по существу являются разными семантическими масками доречевой смысловой стихии, «пробными» воплощениями которой они выступают. Фактически эти образы служат своеобразными «индексами» исходного смысла, они выражают варианты его оплотнения и как будто трансформируются друг в друга, образно-метафорически обозначая сам путь поиска нужного слова и невозможность его найти.

Пульсация внутреннего слова, ищущего своего воплощения, инициирует эстетику черновика. Субъект речи, пытаясь воплотить такое слово, как будто путешествует по поверхностным точкам этой ассоциативной сети (ласточка, подружка, Антигона), перебирает варианты, но ни один из них не выражает того самого смысла: «Все не о том прозрачная твердит, / Все ласточка, подружка, Антигона...» (1, 130).

Способы развертывания «семантического сгустка», гераклитова метафора

Таким образом «до речи» существует «синкретическая» стихия «волнующегося» смысла, стремящегося воплотиться в слове, – в пределах этого сгустка смыслы пребывают в изначальном единстве, перетекая друг в друга.

В процессе «текстогенеза» развертка исходного смыслового сгустка может идти по разным траекториям (в зависимости от того, какой семантический признак выдвигается на первый план). Полагаем, что именно так рождаются знаменитые мандельштамовские двойчатки: разные, но хронологически близкие стихотворения как будто вырастают из одного смыслового корня, воплощая разнонаправленные смысловые пути развертывания исходного комплекса.

Думается, что ассоциативные сцепления между образами в пределах этого семантического континуума обусловлены не узусной «логикой» языка, а авторской системой значений.

Приведем пример. «Интерииоризированность» смыслов мандельштамовского блаженного слова закономерно объясняет его психейность (2, 171). Слово – это Психея, ибо его локус – область потаенного бытия *внутри сознания*, по отношению к которому тело концептуализируется как вместилище (именно поэтому из груди может вылетать не только душа, но и слово: «Божье имя, как большая птица, / Вылетело из моей груди» (1, 78)).

Символическое соположение «слово – душа» в стихотворении «Ласточка» развивается в сюжет по аналогии: как душа, лишенная телесной оболочки, может спускаться в Аид, так и слово может ускользнуть в подсознание; при этом Аид, будучи образной номинацией глубины памяти, в последнем случае обретает явные метафорико-метонимические коннотации (Аид – Лета – забвение).

В стихотворении «Когда Психея жизнь спускается к теням...» сохраняется та же «сетка значений», однако элементы ассоциативного поля группируются вокруг второго символического коррелята – души: теперь не слово находится в «чертоге

теней», а Психея. Такая перегруппировка показывает, что в системе символических соответствий О. Мандельштама душа и слово – это своеобразные авторские синонимы, разные центры единого семантического пространства. Подобное «зادвое-ние» приводит к тому, что разница между прямым и метафорическими смыслами практически исчезает. И в самом деле: слово – метафора души или душа – метафора слова? В рамках поэтики внутренней речи эти вопросы теряют смысл: доречевая стихия предполагает взаимообратимость, взаимопроницаемость и текучесть смысловых элементов.

Возможно, что именно такие семантические образования О. Мандельштам предлагал считать гераклитовыми метафорами. Гераклитова метафора, полагает О. Мандельштам, – это особый троп, подчеркивающий текучесть явления, в силу чего дифференциация прямых и переносных значений представляется невозможной, ибо все смыслы находятся в слито-нерасторжимом симфоническом единстве. Именно эта идея и доказывается О. Мандельштамом на материале дантовской поэтики в «Разговоре о Данте». Гераклитова метафора у Данта не разделяет планы сравнения, ибо она является чисто семантическим, «досинтаксическим» образованием: «Если у вас не закружилась голова от этого чудесного подъема, достойного органных средств Себастьяна Баха, то попробуйте указать, где здесь второй, где здесь первый член сравнения, что с чем сравнивается, где здесь главное и где второстепенное, его поясняющее» (2, 233).

Фактически гераклитова метафора оказывается еще одним аналогом первичного смыслового единства, из которого прорастают готовые поэтические формулы – в этом контексте по своей структуре она близка «внутреннему образу», «композиционному сгустку» и – в аспекте нашей темы – внутреннему слову, которое симультанно содержит в себе основные смыслы рождающейся речи.

Структурное сходство внутреннего слова и гераклитовой метафоры подчеркивается их общим метафорическим предикатом «текучесть». Гераклитова метафора, по словам О. Мандельштама, высвечивает «текучесть явления» (2, 232). Характеризуя смысловую концентрированность внутренней речи, Л. С. Выготский также обращается к водной метафоре течения смыслов (во внутренней речи, пишет ученый, «Смыслы как бы вливаются друг в друга» [Выготский 1982: 349]).

Образные предикаты личностных смыслов

Качества внутреннего слова у О. Мандельштама оплотняются в системе предикатов, которые образно выражают его ключевые свойства; иначе говоря, невоплотившееся слово обладает в поэтическом мире О. Мандельштама устойчивыми семантическими признаками.

План невоплощенной мысли в стихотворениях О. Мандельштама связывается с **семантикой бесплотности**. Эта семантика прямо реализуется в предикате *бесплотный*, приписываемом мысли: «мысль бесплотная». Тема бесплотности мысли ассоциативно связывается с образом царства мерт-

вых и душой (см. выше), в этом плане мысль, невоплощенная в слове, и душа без тела – смысловые эквиваленты, что подчеркивается их пространственным местоположением (они связаны с царством теней). Семантика бесплотности закономерно соотносится с отсутствием зрительно-осязательного компонента – неословленный образ нельзя увидеть / осязать, он бестелесен, ибо не воплощен: «О, если бы вернуть и зрячих пальцев стыд, / И выпуклую радость узнавания» (1, 131).

Следует отметить, что *бесплотное* в поэтическом мире О. Мандельштама не мертвое и статичное, а подвижное, смутное и динамичное. Об этом свидетельствует второй семантический признак, которым наделяется сама лирическая ситуация: Недоволенная / развоплощенная мысль соотносится с **туманом** («Я так боюсь рыдания Аонид, / Тумана, звона и зиянья» (1, 131)).

«Туманность» бесплотного пространства Аида указывает на мотив его психической интериоризации. Так, прилагательное *туманный* в поэтической семантике О. Мандельштама в метафорической проекции часто связывается с обозначением внутренних ментальных процессов: туманная память, туманный бред, туманные думы, виденья в тумане и проч. – все эти соотношения координирует понимание туманного пространства Аида, сопрягая его с областью внутреннего бытия сознания. Ср. примеры: «Но все растаяло, и только слабый звук / В туманной памяти остался» (1, 136); «Вспоминаю в туманном бреду» (1, 67), «Дум туманный перезвон» (1, 74); «Образ твой мучительный и зыбкий я не мог в тумане осязать» (1, 78), «В туманной памяти виденья оживут» (1, 293).

Устойчивая семантическая связь туман – ментальные процессы и состояния говорит о том, что в анализируемых стихотворениях туман оказывается метафорическим знаком интериоризации смыслов: эти смыслы находятся в глубине памяти и ждут своего воплощения – именно этот процесс извлечения смыслов из памяти / тумана и их воплощения в слове является сюжетом стихотворения «Ласточка».

Туман, являясь знаком памяти / подсознания, вполне закономерно оказывается связанным с образом нижней бездны, ибо в сетке символических соответствий пространство памяти концептуализируется как пространство Аида. В связи с этим недаром в «Концерте на вокзале» происходит сопряжение тумана, образа нижнего мира и состояния сна:

На звучный пир в элизиум туманный
Торжественно уносится вагон:
Павлиний крик и рокот фортепьянный.
Я опоздал. Мне страшно. Это – сон.
(1, 139)

Ср. также подобную корреляцию образов тумана и переправы через Стикс в стихотворении «Когда Психея-жизнь спускается к теням...»: «Душа не узнает прозрачные дубравы / Дохнет на зеркало и медлит передать / Лепешку медную с туманной переправы» (1, 130).

Возникает ощущение, что в случае с семанти-

ческой связкой «туман – ментальные состояния – Аид» О. Мандельштам осуществляет вторичный метафорический перенос: туман является метафорой внутренних глубинных процессов (перенос через коннотацию смутности, бесформенности), а затем оказывается знаком Аида (перенос через сему «внутренний»). Однако мы предполагаем, что такие семантические деривации могут осуществляться и по иным принципам.

Метафорический перенос предполагает линейно-последовательную логику развертывания образа, однако с точки зрения генезиса эти метафоры могут быть результатом одновременного расщепления изначального образно-семантического единства. В этом случае изначальный доречевой образ закономерно трактуется как «семантический сгусток», поливалентный смысловой сплав, а траектория развертывания текста определяется той или иной семантической доминантой, актуализирующей в сложной сети символических соответствий разные смыслы.

Так, если семантической доминантой оказывается душа, то сюжет выстраивается как спуск в Аид, если слово – то спуск в подсознание, при этом оба сюжета оказываются метафорическими отражениями друг друга, они функционируют в рамках едино-слитого семантического пространства, которое отрицает всякую линейность. Поэтическую технику работы с таким смысловым пространством О. Мандельштам описал в «Разговоре о Данте». Композиция песен Поэмы, по словам О. Мандельштама, напоминает «неустанное обращение голубиных почт», извилистые траектории пути по реке, «загроможденной подвижными и разноустремленными китайскими джонками» (2, 231); она выстраивается по закону «парусного лавирования» (2, 231) так, что «трудно спускаться по изломам его многоразлучного стиха» (2, 234).

Общим семантическим компонентом приведенных в «Разговоре о Данте» метафор становится идея смыслового пространства, которое, заключая в себе одновременно множество семантических траекторий, выражает идею симультанности смыслов, столь характерную для внутреннего слова. И мошкара, и джонки, и парусный извилистый путь, и схема курсирования голубей – объекты с одинаковой структурой. Эта целостность состоит из множества элементов, в границах которого возможен переход с одного элемента на другой (*с джонки на джонку*). Говоря иначе, сложная семантическая целостность, о которой О. Мандельштам ведет речь, может развертываться по разным смысловым линиям.

С туманом в поэтической семантике О. Мандельштама связывается не только внутренняя область неосознанно-ментального, но и тема музыки. Ср. в «Шарманке»: «Сентиментальное волнение / Туманной музыкой одень» (1, 287). Любопытно, что музыка в этом стихотворении не позволяет осязать образ (ср. эту тему в «Ласточке») и дает только «безобразное виденье» (1, 287). Туман также сопрягается со звуком и «Элизиумом» в стихотворении «Концерт на вокзале» (ср. «На звучный пир в

элизим туманный / Торжественно уносится вагон» (1, 139)), со звуком и памятью в стихотворении «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...» (ср. «и только слабый звук / в туманной памяти остался (1, 136)). При этом сама музыка трактуется как первичная стихия, порождающая слово («слово, в музыку вернись...» (1, 71)).

Итак, туман становится общим предикатом для пространства Аида, музыкальной темы, пространства памяти / подсознания. Эти семантические соотнесения позволяют сделать вывод о том, что тайная доречевая стихия в лирике Мандельштама, связанная одновременно с пространствами памяти / Аида, дополнительно соотносится с музыкой, которая – по той же круговой семантической логике – сопрягается с первоначальной стихией смысла (и поэтому музыка туманна!) и элизимом (ибо она являет собой глубинное начало поэтического слова).

Таким образом, в поэтических текстах О. Мандельштама особым способом воплощается «внутренний слепок стиха»: этот тайный образ находится в глубинах памяти / Аида, он является туманно-зыбким, динамичным и преимущественно музыкальным, и акт поэтического творчества предполагает его расщепление и воплощение в слово. Иначе говоря, этот внутренний слепок стиха всецело принадлежит плану мысли, которую О. Мандельштам трактует психологически точно – пусть в образном плане. Этот смысл «до слова» может стать осязаемым, только обретя свою внешнюю, словесную форму.

С этой точки зрения стихотворение «Ласточка» парадоксально: на сюжетном уровне оно повествует о невозможности воплотить «туманные» ускользающие смыслы в слово, а на архитектурном уровне О. Мандельштам виртуозно воплощает эти смыслы, всем строем своего стихотворения доказывая обратное! Тема и структура текста находятся как будто в противофазе: двигаясь в противоположных направлениях, они создают столь необходимое для эстетического восприятия напряжение. Строка стихотворения – «И мысль бесплотная в чертог теней вернется» (1, 131) – оказывается точкой разрядки этого напряжения: поэту удалось *найти слово*, для того чтобы воплотить тему *слова найденного*.

Путь от мысли к слову, поэтическая ошибка

Итак, процесс кристаллизации мысли в вербальный ряд сопровождается мотивом поиска адекватного слова, которое способно выразить личностные смыслы. И здесь у О. Мандельштама возможны два варианта: исходный образ, стоящий у начала речи, не облекается в слова и остается в темной глубине подсознания (этот случай мы рассмотрели выше) и исходный образ обозначается точно, но – в этом состоит парадокс – через ошибочно подобранное слово.

Мотив верного слова, найденного по ошибке, возникает в знаменитом стихотворении «Образ твой мучительный и зыбкий...». Это стихотворение строится на тех же ключевых образах, что и «Ла-

сточка», более того, оба текста объединены одним сюжетом, который, правда, совершенно по-разному завершается.

Так, в обоих текстах сюжет мучительного поиска слова разворачивается в едином смысловом пространстве: образ, существующий в этом пространстве, зыбок, неуловим и неосязаем, само пространство туманно и неопределимо, а слово уподоблено крылатому существу... Этот общий фон говорит о том, что оба текста восходят к одной семантической протоситуации, которая, тем не менее, в стихотворении «Образ твой мучительный и зыбкий...» завершается по-иному: слово вылетает из глубины груди и смыслы обретают плоть. Точное слово для внутреннего образа найдено, однако это точное слово парадоксально оказывается словом, сказанным по ошибке.

Ошибочность этого слова, конечно, связывается с глубокой иррациональностью поэзии О. Мандельштама: стусок личностных смыслов выражается через сдвиг, ошибку, оговорку, поэтому только «ошибочное» слово соответствует личностному плану мысли и точно отражает тайный мелькающий крылатый образ.

Еще Л. С. Выготский отмечал, что область внутренних смыслов «имеет свое особое строение и течение, переход от которого к строению и течению речи представляет большие трудности», сам «процесс перехода от мысли к речи представляет собой чрезвычайно сложный процесс расчленения мысли и ее воссоздания в словах» [Выготский 1982: 356]. Любопытно, кстати, что для доказательства этого тезиса исследователь приводит примеры из поэзии В. Хлебникова: «Для преодоления этих жалоб возникают попытки плавить слова, создавая новые пути от мысли к слову через новые значения слов. Хлебников сравнивал эту работу с прокладыванием пути из одной долины в другую, <...> называл сам себя путейцем языка» [Там же: 356].

О. Мандельштам, кажется, также является путейцем языка и ценит подобные поэтические «сдвиги». Именно поэтому здесь важен не сам «клинический факт» ошибки, указывающей на внутреннеречевые процессы [Выготский 1982: 356], а его эстетическое преобразование: ошибочное речевое действие оказывается принципом организации семантической материи стиха. Такие ошибочные слова звучат в «Соломинке», «Ласточке», подобные сдвиги мы наблюдаем в организации семантических полей поэзии О. Мандельштама. По-видимому, эти поэтические неправильности максимально концентрируют личностные смыслы, ибо именно здесь поэту не хватает «ресурсов языка» для выражения потаенного личностного смысла.

Смысловая агглютинация

В поэзии О. Мандельштама поэтическая ошибка оказывается не только темой стихотворения (как в стихотворении «Образ твой мучительный и зыбкий...»), но и принципом построения поэтического текста. Здесь поэт эксплуатирует эстетический ресурс такого рода ошибок: перед нами как будто предстают остаточные «следы» не-

правильного расщепления исходного смыслового сгустка. Результатом такой диссоциации становятся разного рода вербальные сдвиги, связанные с процессом номинации, подбора слова.

Механика вербальных сдвигов у О. Мандельштама при всей внешней сложности и оригинальности получающихся конструкций относительно проста: элементу X, находящемуся в одном семантическом контексте с элементом Y, приписывается признак элемента Y. Признак как будто скользит, переходя от одного компонента целостной образной ситуации к другому.

По принципу скользящего признака построено словосочетание «косыми подошвами / Луч стоит на сетчатке моей» (1, 242). Признак *косой* отнимается от луча (ср. «косой луч») и приписывается другому образу в рамках целостного смыслового контекста. По тому же принципу сконструировано словосочетание «кристаллическая нота» (1, 71) в стихотворении «Silentium»: выражение «кристально-чистое звучание» здесь расщепляется, претерпевает паронимическую трансформацию (кристальный – кристаллический) и признак «кристаллический» приписывается ноте.

Во фразе «оружий камней государство» (1, 162) в скрытом виде находится известное выражение «камни возопиют». Здесь мы наблюдаем сбой в работе механизмов номинации и предикации, соотнесенный с неправильным соотношением именной и глагольной групп: внутренние смыслы реализуются не в тех частеречных формах, которые диктуются языковыми конвенциями, – глагол (возопить) заменяется прилагательным (оружий).

Следует обратить внимание, что производящей базой такого рода «парафазий» обычно становятся разного рода устойчивые словосочетания. Блестящий анализ лингвистических механизмов работы О. Мандельштама с идиоматическими структурами был предпринят в книге П. Успенского и В. Файнберга «К русской речи» [2020]. Мы со своей стороны хотим отметить, что ориентация О. Мандельштама на идиоматические конструкции не случайна, возможно, она подтверждает нашу мысль о важности для поэта внутреннеречевых кода. Внутренняя речь, фактура которой, по видимому, отражается в лирике О. Мандельштама, провоцирует работу с коллокациями, ибо сама внутренняя речь, будучи фразеологичной по существу, состоит из такого рода коллокаций. Так, исследователи отмечают, что «очень часто во внутренней речи всплывают целые куски (полуфабрикаты) будущего высказывания (синтагмы, chunks), и среди них немало стереотипов» [Кубрякова 1986: 131]. Именно такие «речевые стереотипы» и оказываются базой для многочисленных мандельштамовских парафазий.

Протогенез и морфогенез слова. Архитектоника текста

Идея поиска слова в стихотворении О. Мандельштама «Ласточка» как будто «закодирована» дважды: она реализуется на уровне сюжета и застывает в самой семантической архитектонике

текста. В последнем случае смысловая структура текста как будто включает в себя семантические вкрапления исходного протообраза. Такое сложное устройство текста заставляет предположить, что внутренний образ стиха составляют не готовые шаблоны-слова, а сеть смысловых признаков, сложно взаимодействующих друг с другом. В этом измерении процесс воплощения внутренних смыслов в фазическую речь имеет сложную внутреннюю структуру. Рассмотрим ее.

Поиск поэтического слова осуществляется отнюдь не как механическое ассоциирование, когда признак притягивает слова, в результате чего формируется некое семантическое поле. Мандельштамовское слово является точкой сопряжения нескольких семантических полей сразу – это сверток ассоциаций, смысловые векторы которых могут то расходиться, то интерферировать друг с другом – по волновому принципу. Чтобы продемонстрировать это, мы можем «пойти вспять» и, развернув найденный поэтом образ, обнаружить в этом сгущении исходные семантические признаки.

Обратимся к образу «слепой ласточки». Слепая ласточка в метафорической системе О. Мандельштама – это ненайденное слово, остающееся в бездне Аида / подсознания. Птичья природа такого слова может мотивироваться внешним фактором (производящей базой этого образа может стать идиома «слово не воробей...»). Однако, кажется, что логика конструкции этого образа несколько иная.

Так, во-первых, при обозначении слова ласточкой для О. Мандельштама важна не столько общая птичья семантика, сколько признак «крылатость». Крылатость в поэтической семантике О. Мандельштама – обычно спутник творческого процесса / искусства. Ср. контексты: «Будет и мой черед – / Чую размах крыла» (1, 78), «Органные поставим крылья!» (1, 431), «Крылатой лошади подковы тяжелы» (1, 195), «В толпокрылатом воздухе картин» (1, 209).

Крылья в своем приблизительном поэтическом значении оказываются импульсом творческого процесса, поэтому слову, для того чтобы вылететь из недр памяти, необходимо быть крылатым. Соответственно, неудачная попытка воплощения слова метафорически обозначается через обескрыленность – ласточка возвращается в Аид «на крыльях срезанных».

Метафорическая номинация ненайденного слова через образ ласточки может объясняться самим типом движения этой птицы: полет ласточки быстр и стремителен, в полете она совершает резкие повороты... В связи с этим кажется, что в поэтической реальности анализируемого стихотворения ласточка актуализирует признак динамичности, связанный с особым – мечущимся – типом движения (ср.: «То вдруг прокинется безумной Антигоной, / То мертвой ласточкой бросается к ногам» (1, 131)). Возможно, что именно эта зрительная ассоциация и привела О. Мандельштама к образу ласточки, полет которой метафорически выражает динамику внутренних смыслов. В связи с этим стоит заметить, что метафорика извилистого

движения при обозначении порождения поэтической речи обычна для О. Мандельштама. Так, мы уже упоминали, что в «Разговоре о Данте» поэтическое смыслообразование поэт сравнивает с быстрым переходом реки, загроможденной «подвижными и разноустремленными китайскими джонками», и с прыгающим динамичным танцем летней мошкеры.

Общим семантическим компонентом приведенных метафор становится идея смыслового пространства, которое, заключая в себе одновременно множество семантических траекторий, выражает идею симультанности смыслов, столь характерную для внутреннего слова. Сам поиск нужного слова в таком контексте оказывается отмеченным зигзагообразной траекторией – именно этот тип движения и выражает стремительный мечущийся полет ласточки, который в стихотворении также метафорически выражает динамику генезиса поэтических смыслов.

Самая характерная примета мандельштамовской ласточки – ее слепота. Этот предикат также рождается из сети авторских ассоциаций, реконструируемых из других текстов поэта: ласточка слепа, так как она принадлежит царству Аида, обитатели которого бесплотны, неосвязаемы и, следовательно, невидимы.

Также *слепота* ласточки в метапоэтике О. Мандельштама звукосемантически соотносится с лексемой «слепок» и оказывается тем самым внутренним образом, которое предшествует словесному оформлению стиха. В статье «Слова и культура» (1921) поэт, явно опираясь на концепцию этого стихотворения, пишет: «Слепой узнает милое лицо, едва прикоснувшись к нему зрячими перстами. <...> Стихотворение живо внутренним образом, тем звучащим *слетком* формы, который предваряет написанное стихотворение. Ни одного слова еще нет, а стихотворение уже звучит. Это звучит внутренний образ, это его осязает слух поэта» (2, 171). Не случайно в четвертой строфе «Ласточки» появляется образ, парафрастически переключившийся с процитированным фрагментом: «О если бы вернуть и зрячих пальцев стыд, / И выпуклую радость узнавания» (1, 131). Как мастер скрещений О. Мандельштам метонимически соединяет слепоту Эдипа и слепоту ласточки в образе Антигоны, проводнике Эдипа. Причем третьим соединяющим Антигоны и ласточки становится брезжащий на периферии сознания миф о «безъязыкой» Филомене и ее сестре Прокне, превращенных, соответственно, в *ласточку* и *соловья*. Индексом этой, возможно, подсознательной ассоциации выступает редчайший глагол – «прокинется», словарное значение которого (*ошибется, промахнется*) не стыкуется со смыслом наличного стиха (ср.: «То вдруг *прокинется* безумной Антигоной» (1, 131)), зато его внутренняя (корневая) форма согласуется с последующим кинетическим образом *бросающейся* к ногам «мертвой ласточки» (см. об этом: [Кихней 2000: 55]).

Все вышесказанное позволяет предположить, что образ слепой ласточки рождается в точке сгу-

щения нескольких семантических признаков, служащих в поэтическом мире О. Мандельштама для обозначения творческого этно-, прото- и морфогенеза, сопряженного с глубинами индивидуального подсознания, и коллективного бессознательного, граничащего с мифологическими структурами. Этот образ как будто кристаллизует эти процессы, оплотняет их: туман клубящихся смыслов вдруг обретает свою форму, а история о ненайденном слове оказывается повествованием о процессе его обретения.

Рассмотренный в таком ракурсе образ как будто отсылает к внутреннему, возможно, неосознанному сюжету, подспудно присущему лирике Мандельштама: *творческая энергия ищет своего воплощения, как будто «путешествует» по извилистому многомерному пространству смыслов*. Человек, перебегающий реку с разнонаправленными джонками, «гераклитов танец легкой мошкеры», ковровая ткань, имеющая много текстильных основ, мечущаяся слепая ласточка – все эти образы передают динамику этого сюжета, который рассказывает нам о процессе поэтического смыслообразования, застывшего в самой ткани стихотворения.

Поэтическое слово О. Мандельштама оказывается чрезвычайно сложным организмом со своим смысловым строением, которое, на первый взгляд, имеет весьма отдаленное отношение к процессам реального речепорождения. Однако все же нам кажется, что в поэтическом материале О. Мандельштаму удалось образно воплотить настоящую психологическую механику поиска слова.

Уже доказано, что слово в памяти хранится не как бирка для вещи, а как «комплекс признаков». А. А. Леонтьев пишет, что слово при его поиске не репродуцируется памятью в готовом виде, а скорее составляется заново, реконструируется из его смысловых признаков: «слово <в памяти – Л. К., О. Т.> записано в форме поиска этого слова. Оперируя семантическими признаками, мы тем самым уже «считываем запись» в лексиконе» [Леонтьев 1971: 18]. Таким образом, слово, будучи пучком признаков, не задается как ярлык для вещи: взятое в аспекте реального процесса порождения речи слово – это путь поиска слова.

Идея слова как поиска слова возникает и у О. Мандельштама. При этом любопытно, что поэт обосновывает эту идею так же, как и А. А. Леонтьев: поскольку слово – это «пучок», «и смысл из него торчит в разные стороны» (2, 223), постольку произнести слово – обозначает совершить путешествие по его звукосемантической протяженности. «Произноси солнце, мы совершаем как бы огромное путешествие, к которому настолько привыкли, что едем во сне. Поэзия тем и отличается от автоматической речи, что будит нас и встряхивает на середине слова. Тогда оно оказывается гораздо длиннее, чем мы думали, и мы припоминаем, что говорить – значит всегда находиться в дороге» (2, 223).

Такое путешествие по семантическим полям предполагает не прямой, а извилистый путь, ибо авторские ассоциативные поля – это сложные и

многомерные образования. Думается, что выше-приведенные образы (джонки, мошकारа, слепая ласточка и др.), обозначающие траектории творческого процесса, являются частью более общей концептуальной метафоры, которая уподобляет процесс творчества путешествию по многомерному смысловому пространству языка.

Процесс поиска слова как путешествия О. Мандельштам воплощает в двух измерениях. В первом случае этот процесс тематизируется, во втором случае он выступает в своей орудийной ипостаси как принцип конструкции стихотворения. И здесь цель поэзии не рассказать, а показать – зафиксировать на уровне структуры текста тот сложный извилистый путь, который проходят личностные смыслы от их диффузно-туманного состояния к воплощению и развертыванию в поэтическом речевом плане. И в этом пункте мысли О. Мандельштама о природе слова снова сопрягаются с идеями А. А. Леонтьева, который также настаивал на динамической процессуальной природе слова: «Значение слова в психологическом аспекте <...> – не вещь, а процесс» [Леонтьев 1971: 18].

Образ адресата

Особая структура внутренней речи (ее агглютинированность, фонетическая редуцированность, превалирование семантики над синтаксисом, предикативность) обусловлена внешним прагматическим фактором – особым типом адресата. С коммуникативной точки зрения адресат является не только лицом, к которому непосредственно обращено высказывание, но и своеобразным синтаксическим механизмом. Так, по мнению И. А. Зимней, синтаксическая свернутость и редуцированность внутренней речи объясняются прагматическим фактором самоадресации. Именно самоадресация, предполагающая максимальную общность апперцепции, приводит к разнообразным эллипсисам и пропущенным звеньям (нет нужды озвучивать самому себе то, что и так известно, см. об этом: [Зимняя 1993]). В этом смысле чрезвычайно интересным является ряд идей О. Мандельштама об адресате своих текстов.

Г. Адамович вспоминал особый тип коммуникативного поведения О. Мандельштама: «В разговоре... ему казалось, что звенья между высказываемыми положениями ясны собеседнику так же, как ему самому, и он их пропускал: он оказывал собеседнику доверие, поднимая его до себя... и потому разговор с Мандельштамом с глазу на глаз неизменно требовал напряжения» (цит. по: [Гаспаров 2001: 10]).

Фактически Г. Адамович прямо указывает, что собеседник мыслился О. Мандельштамом как максимально близкий автору, что в реальной беседе приводило к эллипсисам. Такие пропуски характерны как для общения близких людей, так и для внутреннеречевого монолога: в обоих случаях общее перцептивное поле снимает необходимость озвучивать то, что и так известно.

О. Мандельштам полагал, что собеседник, близкий автору, есть необходимое требование по-

эзии. Однако такое воспринимающее сознание мыслилось О. Мандельштамом как некая *идеальная конструкция*, которая в известной степени противостоит конкретному собеседнику: такой собеседник – живой представитель эпохи – не является идеальным адресатом, так как он «не умеет читать Пушкина так, как он написан» [Гаспаров 2001: 19].

Исторически конкретному читателю О. Мандельштам противопоставлял «провиденциального собеседника», читателя в веках. Читатель в веках наделяется О. Мандельштамом способностью правильно воспринимать поэтический текст, не проецируя на него исторические частности, связанные с той эпохой, в которой он живет. При этом *сознание такого провиденциального читателя максимально близко авторскому*. Выражаясь языком психологии, провиденциальный собеседник, понимающий сокровенные смыслы поэтического текста, пребывает в общем перцептивном поле с автором. В таком плане провиденциальный собеседник может пониматься как инкарнация авторского сознания, именно поэтому для О. Мандельштама усомниться в существовании такого читателя значит усомниться в себе: «поэзия как целое всегда направляется к более или менее далекому неизвестному адресату, в существовании которого поэт не может сомневаться, не усумнившись в себе» (2, 150).

Коммуникативная установка О. Мандельштама на читателя в веках, который оказывается близким автору и максимально далеким от эпохи, кажется, подтверждает общую ориентацию поэта на особый тип поэтической коммуникации, связанный с использованием потаенных ресурсов внутреннеречевого монолога.

Выводы и обсуждение

Таким образом, внутреннее слово для О. Мандельштама является не только метапоэтическим конструктом, но и смыслопорождающей единицей, формообразующим принципом его семантики. В отличие от авангардистов, которые также практиковали обращение к «слову-сырцу», О. Мандельштам использует внутреннюю речь не как материал, но как семантически-композиционный принцип построения текста.

К вопросу о реализации внутренней речи в поэзии следует подходить системно и комплексно. Чтобы считать внутреннеречевой код конструктивным принципом организации семантического пространства художественного текста, необходимо обнаружить признаки работы этого кода на разных поэтических уровнях. И наш материал показал, что внутренняя речь, реализуясь в семантическом, синтаксическом и прагматическом планах, оказывается важнейшим принципом построения отдельных художественных текстов поэта, посвященных преимущественно поэтической рефлексии.

Так, на *уровне прагматики*, в области метапоэтики, О. Мандельштам постулирует образ идеального читателя, который оказывается психологической инкарнацией самого поэта. На *уровне семантики* внутреннеречевого кода обуславливает особые стратегии работы с материалом: тяготение к аг-

глютинированности смыслов, поэтические ошибки, нарушения в лексико-грамматическом расщеплении, абсолютное доминирование семантики над синтаксисом, семантические сгустки-синкреты, особые метафорические модели, образно, но при этом психологически точно выражающие воплощение внутренних смыслов в слова и др.

Обратим внимание, что указанные уровни взаимозависимы. Эта взаимозависимость выглядит следующим образом: чем более внутренним является адресат, тем более важную роль играют семантика и ряды ассоциативных сцеплений и меньшей значимостью наделены логико-синтаксические отношения. Именно этот структурный тип речи и становится первичным субстратом анализируемых стихотворений О. Мандельштама. Таким образом, концепция внутренней речи является хорошим объяснительным принципом, ибо позволяет интерпретировать специфику разных уровней текста О. Мандельштама в их системной соотнесенности.

Поэтика внутренней речи проявляется с особой яркостью в стихотворениях, посвященных поиску нужного слова. В этих стихотворениях процессы оплотнения мысли в слова представлены на тематическом и структурном уровнях.

При этом данные уровни, если воспользоваться терминологией Л. С. Выготского, оказываются разнонаправленными. На тематическом плане постулируется невозможность высказать слово, но весь структурный строй стихотворения говорит об обратном: О. Мандельштам находит словесный код для обозначения невысказанного, неявленного, «позабытого» слова. При этом в ткани стихотворения поэту удается одновременно запечатлеть сам процесс поиска слова, как бы закодированный в самой семантической организации текста: поэтическая мысль как будто путешествует по многомерному семантическому полю, и ее «траектория» формирует смысловой рисунок стихотворения.

Литература

- Ахутина, Т. В. Вместо введения: Механизм порождения речи по данным афазиологии / Т. В. Ахутина // *Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики*. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – С. 11–33.
- Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский // *Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии*. – Москва : Педагогика, 1982. – С. 5–362.
- Гаспаров, М. Л. Мандельштам / М. Л. Гаспаров // *Мандельштам О. Стихотворения. Проза*. – Москва ; Харьков : АСТ ; Фолио, 2001. – С. 3–23.
- Горелов, И. Н. Невербальные компоненты коммуникации / И. Н. Горелов. – Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 112 с.
- Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // *Язык – речь – творчество (Избранные труды)*. – Москва : Лабиринт, 1998. – С. 146–163.
- Залевская, А. А. Речевая ошибка как инструмент научного исследования / А. А. Залевская // *Вопросы психолингвистики*. – 2009. – № 9. – С. 6–22. – EDN LAULGL.
- Зимняя, И. А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания / И. А. Зимняя // *Язык и сознание: парадоксальная рациональность*. – Москва : Институт языкознания РАН, 1993. – С. 51–59.
- Кихней, Л. Г. «Внутренний образ стиха» и внутреннее слово: «Разговор о Данте» О. Э. Мандельштама в психолингвистической перспективе / Л. Г. Кихней, О. Р. Темиришина // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. – 2023. – № 5. – С. 86–102. – DOI:10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-7. – EDN UBMUVY.
- Кихней, Л. Г. Осип Мандельштам: Бытие слова / Л. Г. Кихней. – Москва : Диалог-МГУ, 2000. – 146 с. – EDN XTKIAJ.
- Ковтунова, И. И. Поэтический синтаксис / И. И. Ковтунова. – Москва : Наука, 1986. – 205 с.

Творческий импульс застывает в многоуровневых семантических полях, а само стихотворение оказывается подобным геологическим отложениям, по структуре которых мы можем делать выводы об их эволюции. Фактически О. Мандельштам снимает оппозицию между двумя концепциями поэтического языка: язык как «эргон» и язык как «энергия» нерасторжимо слиты, и сам поэтический текст, будучи продуктом творческой деятельности, тем не менее хранит историю своего создания.

Установка О. Мандельштама на запечатление процесса смыслопорождения в текстах приводит к появлению в стихотворениях следов раннего смыслового «программирования». Эти остаточные следы проявляются в неправильном с точки зрения узуса лексико-грамматическом расщеплении личностных смыслов, в поэтических ошибках, парафазиях и в целом – в эстетике черновика.

Обращение О. Мандельштама к ресурсам внутренней речи может объясняться его пристальным вниманием к процессу творчества. Одним из ключевых вопросов мандельштамовской метапоэтики является вопрос о принципах претворения смыслов в словесный ряд. Система поэтических метафор, которую использует О. Мандельштам для образного воплощения этого процесса, свидетельствует о том, что поэтическое творчество поэт понимает как процесс, связанный с претворением иррациональных внутренних импульсов в высшую материю слова – геологическая метафора, метафора памяти / бессознательного как Аида основаны на движении снизу вверх. При этом метафорические обозначения развертывания поэтических смыслов в слово оказываются на удивление точными. Будучи внимательным наблюдателем, О. Мандельштам, по-видимому, вышел к реальным психологическим процессам поэтической речи и запечатлел их в метафорическом измерении.

- Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1986. – 159 с.
- Кубрякова, Е. С. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный. – Москва : Издательство «Наука», 1991. – 240 с. – EDN WYZKZX.
- Леонтьев, А. А. Психологическая структура значения / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – Москва : Наука, 1971. – С. 7–19.
- Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений : в 2 т. / О. Э. Мандельштам. – Москва : Художественная литература, 1990. – Т. 1. – 638 с.; Т. 2. – 464 с.
- Темиршина, О. Р. Егор Летов: язык и мир. Опыт психолингвистического подхода к поэзии / О. Р. Темиршина. – Санкт-Петербург : ИТД «Скифия», 2024. – 608 с. – EDN NWSAOD.
- Успенский, Б. А. Анатомия метафоры у Мандельштама / Б. А. Успенский // Избранные труды. Т. 2. Язык и культура. – Москва : Гнозис, 1994. – С. 246–275.
- Успенский, П. К русской речи / П. Успенский, В. Файнберг. – Москва : НЛО, 2020. – 360 с.

References

- Akhutina, T. V. (2014). Vmesto vvedeniya: Mekhanizm porozhdeniya rechi po dannym afaziologii = Instead of an introduction: The mechanism of speech production according to aphasiology data. *Neurolinguistic analysis of vocabulary, semantics and pragmatics*, 11–33. Moscow: Languages of Slavic culture.
- Gasparov, M. L. (2001). Mandel'shtam = Mandelshtam. *Mandelshtam O. Poems. Prose*, 3–23. Moscow; Kharkov: AST; Folio.
- Gorelov, I. N. (2014). Neverbal'nye komponenty kommunikatsii = Non-verbal components of communication. Moscow: Book House "LIBROKOM", 112 p.
- Kikhney, L. G. (2000). Osip Mandel'shtam: Bytie slova = Osip Mandelstam: The being of the word. Moscow: Dialog-MGU Publishing House, 146 p. EDN XTKIAJ.
- Kikhney, L. G., Temirshina, O. R. (2023). «Vnutrenniy obraz stikha» i vnutrennee slovo: «Razgovor o Dante» O. E. Mandel'shtama v psikholingvisticheskoy perspektive = "The inner image of verse" and the inner word: O.E. Mandelstam's "Conversation about Dante" in a psycholinguistic perspective. *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*, 5, 86–102. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-05-7. EDN UBMUVY.
- Kovtunova, I. I. (1986). Poeticheskiy sintaksis = Poetic syntax. Moscow: Nauka Publishing House, 205 p.
- Kubryakova, E. S. (1986). Nominativnyy aspekt rechevoy deyatel'nosti = Nominative aspect of speech activity. Moscow: Nauka Publishing House, 159 p.
- Kubryakova, E. S., Shakhnarovich, A. M., Sakharney, L. V. (1991). Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazyk i porozhdenie rechi = The human factor in language. Language and speech production. Moscow: Nauka Publishing House, 240 p. EDN WYZKZX.
- Leontyev, A. A. (1971). Psikhologicheskaya struktura znacheniya = Psychological structure of meaning. *Semantic structure of words. Psycholinguistic research*, 7–19. Moscow: Nauka Publishing House.
- Mandelshtam, O. E. (1990). Sbranie sochineniy: v 2 t. = Collected works: in 2 vols. Moscow: Fiction Publishing House, vol. 1, 638 p.; vol. 2, 464 p.
- Temirshina, O. R. (2024). Egor Letov: yazyk i mir. Opyt psikholingvisticheskogo podkhoda k poezii = Egor Letov: Language and world. An experience of a psycholinguistic approach to poetry. Saint Petersburg: Skifiya Publishing House, 608 p. EDN NWSAOD.
- Uspensky, B. A. (1994). Anatomiya metafory u Mandel'shtama = Anatomy of metaphor in Mandelstam. *Selected works. Vol. 2. Language and Culture*, 246–275. Moscow: Gnozis Publishing House.
- Uspensky, P., Faynberg, V. (2020). K russkoy rechi = Towards Russian speech. Moscow: NLO Publishing House, 360 p.
- Vygotsky, L. S. (1982). Myshleniye i rech' = Thinking and speech. *Collected works: in 6 vols. Vol. 2. Problems of general psychology*, 5–362. Moscow: Pedagogy.
- Zalevskaya, A. A. (2009). Rechevaya oshibka kak instrument nauchnogo issledovaniya = Speech error as a tool for scientific research. *Questions of psycholinguistics*, 9, 6–22. EDN LAULGL.
- Zhinkin, N. I. (1998). O kodovykh perekhodakh vo vnutrenney rechi = On code transitions in inner speech. *Language – speech – creativity (Selected Works)*, 146–163. Moscow: Labirint Publishing House.
- Zimnyaya, I. A. (1993). Sposob formirovaniya i formulirovaniya mysli kak real'nost' yazykovogo soznaniya = The method of forming and formulating thoughts as a reality of linguistic consciousness. *Language and consciousness: paradoxical rationality*, 51–59. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Данные об авторах

Кихней Любовь Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы факультета журналистики, Московский университет им. А. С. Грибоедова (Москва, Россия).
Адрес: 111396, Россия, г. Москва, Зеленый пр., 66 а.
E-mail: lgkikhney@yandex.ru.

Authors' information

Kikhney Lyubov Gennadiyevna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Journalism History and Literature of the Faculty of Journalism, Moscow University named after A. S. Griboyedov (Moscow, Russia).

Темиршина Олеся Равильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и культуры, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия).

Адрес: 129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, корп. 2.

E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru.

Дата поступления: 19.08.2025; дата публикации: 31.10.2025

Temirshina Olesya Ravilievna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Foreign Languages and Culture, Russian State Social University (Moscow, Russia).

Date of receipt: 19.08.2025; date of publication: 31.10.2025